

ОТ РОДНОГО ПОРОГА

(глава из новой книги)

К Как всё же внезапно, неожиданно подкралось это событие! И как не чувствовал я всей огромности, всей значимости, всего приглушённого пока драматизма предстоящего... Чуть-чуть кольнуло только, когда уже в сенцах, выйдя за мной, чтобы благословить-перекрестить на дорогу, бабушка Марья уронила тёплую слезу, которая упала мне прямо на полуопущенную правую руку.

Так, с бабушкиной слезой на руке, тихо скатывающейся по запястью, я и сошёл с крыльца, почему-то не решаясь вытереть её о штанину. На выходе из нашей улочки оглянулся: бабушка стояла у нагретого солнцем родного порога, крестя уже издали, вслед.

Была середина дня последнего числа марта, самое начало весенней распутицы. Я быстро дошёл до Жасткова, до дома своего одноклассника Шурика Мишина, который меня уже ждал, сидел на лавочке-скамеечке. Тут же вышел и его отец, которого все в

округе звали Сашók. До недавнего укрупнения колхоза, пока нас, несколько деревень, не объединили с Дегтярёвкой, он был в Жасткове председателем сельсовета, Александр Ивановичем. У него сохранилась начальственная статья, остались и некоторые связи. По его плану сегодня к вечеру мы должны были дойти до большого села Нивное, там заночевать у его знакомого, а рано утром отправиться дальше – в наш районный город Сураж.

И что же нас гнало туда, за сорок с лишним километров, да ещё по весеннему бездорожью, в самый разрой?

Как уже знает читатель, в детстве я сначала мечтал быть лётчиком, потом моряком. А в отрочестве мне, страстному книгочею, захотелось стать геологом, чтобы неутомимо исследовать недра земли в тайге, пустыне, тундре, в малодоступных высокогорьях... – эту романтическую профессию навяли, конечно же, прежде всего прочитанные мно-

гочисленные книги об увлекательных путешествиях. А тут к тому же и в наших краях объявились геологи – искали какую-то ценную глину и ещё что-то, бурили землю в соседней Гнилуше, а потом в Комаровке и Вьюкове. Яркое запомнилось, как уже осенью, в тёмный вечер поспешно зашла со двора мама, знавшая о моей мечте, и весело сказала мне, делавшему за столом уроки:

– Коль, там геологи песню поют!

Я тут же выскочил на улицу и увидел уходящих в сторону Комаровки двух рослых, статных мужчин (их кто-то за хорошую глину угостил в Осинке), которые слаженно, с мужественной сдержанностью пели:

*А путь и далёк, и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветра и солнца брат!*

В волнении, мне хотелось побежать за ними... Как всё-таки хорошо: «ты ветра и солнца брат!» И меня вдруг потянуло поделиться своими чувствами, я достал новую тетрадку, стал писать...

Второй прилив сочинительства случился через месяц, когда выпал первый снег. Я не побежал, как всегда, сразу же на улицу – примеряться, можно ли уже выйти с санками или лыжами, а присел за маленький столик, который получался, когда складывали ножную швейную машинку, и стал переносить на бумагу всё, что вижу за окном. Я старался передать свою светлую радость от первого снега. Казалось, что если не успею описать эту красоту, то она исчезнет.

А вскоре написал небольшой рассказ «Кузя» о старом партизане и охотнике. На самом деле его звали Ипполит (Амполит – по-местному) Хуторцов, жил он в соседней деревне Дедовск, и я уже тогда понимал, что нельзя литературного героя называть подлинным именем, это должен быть соби-

рательный образ. И послал я эти несколько тетрадных листков в редакцию нашей районной газеты «Восход».

Минуло недели две, и приходит мама со школы вьюжным февральским днём – и сразу мне:

– Коль, а ты, оказывается, у нас писатель!

Сказала как-то одновременно и с гордостью, и строго. Тут надо отметить, что мама моя, учительница русского языка и литературы, к моим первым литературным опытам относилась сдержанно. Бывало, прочитаю ей и отцу (тоже учителю-словеснику и ещё историку) что-то из сочинённого мной, как правило, природно-описательного, а мама – учительски-наставительно:

– Сынок, а где тут идея?

Об идее произведения я не задумывался – просто очень любил (считал самой красивой!) и свою деревню, и всю нашу проникновенную природу.

Так что послал я этот рассказ в редакцию тайно от всех. И пришло оттуда письмо в Жастковскую восьмилетнюю школу, где сообщалось, что рассказ понравился, что просят дать сведения о юном авторе: хорошо ли учится, на какие оценки пишет сочинения и изложения, из какой он семьи, чем увлекается? Из школы быстро ответили, и вот 11 марта 1967 года я в свои неполные пятнадцать лет, как говорится, проснулся знаменитым на весь Суражский район – в газете «Восход» появился рассказ «Кузя», под рубрикой «Творчество наших читателей» и с врезкой об авторе-школьнике.

И здесь пора вернуться на размытую талой водой дорогу на Придачь-Фёдоровку-Нивное. Дело в том, что мы с Шуриком Мишиным, оба уже через два месяца заканчивающие Жастковскую восьмилетнюю школу, отправились в путь с тем, чтобы в Сураже пройти медицинскую комиссию для поступления в суворовское училище.

Как же так? – воскликнет мой заин-

тересованный друг-читатель. Только что совершился такой успешный дебют на литературной ниве, и вдруг – суворовское училище?

Да, прошло всего двадцать дней с даты публикации рассказа, и родители мои ещё толком не осознали, что совершилось судьбоносное для меня событие, и что за него теперь надо обязательно ухватиться! Ещё когда я был в седьмом классе, один наш родственник, приехав из заштатного городка к нам в гости, стал советовать определить меня после восьмилетки в тамошний радиотехникум, мол, он поможет и поступить. Тогда я легко и твёрдо отбил: не по мне это! А в восьмом классе, на зимних каникулах, ко мне уже приступил с настойчивым пожеланием сам отец, предварительно проконсультировавшись в районном военкомате:

– Лучше всего пойти в суворовское училище. Там и десять классов закончишь, а дальше можешь поступить во Львовское высшее училище военных журналистов.

Отец мой, участник Великой Отечественной войны – ему по молодости лет достались боевые действия уже с Японией – армии отдал семь лет и считал армейскую службу хорошей школой воспитания.

Я сумрачно смотрел в окно, на посаженную мной во втором классе берёзку, всю сейчас украшенную жемчужным инеем, а папа убеждал дальше:

– Из нашей глухомани вряд ли сразу поступишь в университет, да ещё на журналистику... Там, говорят, только по блату, сынки и дочурки всяких больших шишек учатся...

Он вздохнул:

– А не поступишь, второй попытки на следующий год тебе уже не дадут... Ты же родился в апреле, так что в майский призыв как раз и заберут в армию.

Вопрос у нас остался открытым, но отец не приостановил это дело, больше того –

рассказал и Александру Ивановичу Мишину, а тот настропалил своего сына Шурика, тоже хорошего ученика и моего товарища, словом, мы оба разом получили повестки на медицинскую комиссию. Куда мне было деваться? Надо было идти.

Вот и шагаем мы с Шуриком рядом в своих лучших выходных кирзовых сапогах по снеговой каше и разлужинам, а Сашок немного сзади, хоть и в потёртых, но начальственных галифе и хромовых сапогах.

Эта давняя дорога, прямая и ровная, красиво обсаженная берёзами, была когда-то частью большого тракта, по которому гоняли тройки ямщики. Летом и золотой осенью – милое дело тут идти, да и зимой – на разгонистых санях ехать, запрягши проворную лошадку! А вот такой порой дорога «совкая» (от соваться-спотыкаться), но всё лучше, чем после Фёдоровки – там пошла скользкая и липучая глина-глей, едва сапоги вытащишь. Сашок стал отставать:

– Поттише, ребята. Я так уже и припешел...

Долго пришлось идти по Нивному, пока добрались до знакомого. Принял он нас сучовато, но всё же ужином угостил, Сашку и себе налил по стакану самогонки.

Впервые я ночевал в чужом доме, под крышей ранее не знакомых мне людей. Сколько будет потом за мою походную журналистскую и охотничью жизнь таких ночлегов! Но этот был первым.

Я плохо спал, смутное чувство томило меня. Его не развеял и утренний лиричный вид из окна стоящего на пригорке дома: далеко-далеко открывалась уже местами подтопленная талой водой широкая пойма реки Ипуть. Только ещё сильнее защемило в груди: эх, может, сегодня-завтра моя родная речка Осинка разольётся, и на лугу у Корины начнут «тереться» щуки со щупаками, а я тут в дороге буду, пропущу!

Стояли мы на середине Нивного, у «чай-

ной» с семи утра, но никакой попутной всё не было и не было. Да и то сказать: кто поедет в такую распутицу по разбитой грунтовой дороге без крайней нужды? Только в одиннадцать часов нам удалось продолжить путь – в тракторной тележке, на молочных бидонах. Ехали очень медленно, буксовали, два раза чуть не опрокинулись, сползая в придорожную канаву.

Добрались до Суража около трёх часов. Показалось странным, что коридор в поликлинике пустой. На наши неуверенные шаги из бокового коридорчика вышла молодая врачиха в белом халате и коротко ответила:

– Комиссия в два часа закончила работу.

Растерянные, мы не двигались.

– Все врачи ушли полчаса назад. Теперь уже в Унече проходить будете. Через две недели... – окончательно и бесстрастно добавила она.

Мы с Шуриком пошли к выходу, а Александр Иванович что-то ещё уточнил у врачихи. Надо сказать, он не потерял присутствия духа:

– А что нам Унеча? Всего-то лишних двадцать пять километров. Через две недели уже сухо будет, доберёмся на автобусах. А сейчас надо спешить на Мглинскую!

На конце длинной, от самого центра Суража, Мглинской улице была закусочная «Минутка». Сашок заказал три яичницы, нам – бутылку лимонада, себе – сто пятьдесят граммов водки. Потом достал из кожаной сумки, которую по-лёгчески носил через плечо, большой кусок сала, стал нарезать его складным ножиком. Убиравшая со столов пожилая женщина покосилась:

– У, хлопцы, с таким салом вам и в закусную заходить не надо...

Но в закусную наш старшой зашёл не только выпить и закусить, а ещё найти и попутчиков. Правда, таковых не оказалось. Мы скоро вышли наружу и остановились невдалеке на улице, на самом выезде из города. Там было несколько разношёрстных

группок людей, но все они из недалних, не наших краёв.

Уже под вечер нам удалось устроиться на тракторные сани-волокушу, но только на треть пути, до Нового Дрокова. Александр Иванович бодро сообщил, что это нам ещё повезло, так как не в чистом поле ночевать, в этом селе у него тоже есть знакомец. А мне подумалось тоскливо: ещё одна ночь у чужих людей...

Вылезли мы из тракторных саней уже при луне и долго шли по каким-то тёмным оврагам. И снова сидели за накрытым липкой клеёнкой столом, в тесном домишке, с его застарелыми кислыми запахами, а медлительный, грузный хозяин всё шумно настаивал, чтобы и мы с Шуриком выпили по стопке самогонки: «Ну, вам же не на медкомиссию сейчас... А то и в суворовцы не возьмут! Он-то, Суворов, против этого не возражал, не-е... Даже говорил: «Штык заложи, а после бани выпей!»

Наутро, когда чуть посветлело, мы вышли к околице села. Да что там вышли – опрометью кинулись по оврагам к дороге, по которой уже рокотал трактор с прицепом. Опоздали! Постояли-постояли на пригорке, вглядываясь и прислушиваясь: не двигается ли в нашу сторону какой ни то транспорт? Александр Иванович рассматривал по следам, что мы проспали не только этот трактор, но и ещё два: «Ночью подморозило, подсушило трассу – вот они и двинулись затемно. И стоять нам нечего, пойдём помаленьку».

У села Высокоселище нас догнал колёсный «Беларусь» с тележкой, полной людей. Подобрали и нас. Сидели тесно-тесно, а трактор на ямах и промоинах дёргал тележку зло и немилосердно, так что казалось не раз, что она вот-вот оторвётся и опрокинется. Но всё же до Фёдоровки добрались, а вот на высокую и разъезженную гору у старой криницы трактор не смог подняться. Все вылезли из тележки, но и порожняком

«Беларусь» не одолел подъём. Очень скользкая глина-глей этой горы забила ему протекторы, умастила – и колёса беспомощно проворачивались на месте.

– Всё! – хлопнул дверцей тракторист. – Теперь стоп–дорога! Этак на недельку...

Рядом завздыхали женщины:

– Вот случись что в такую пору...

Но мне тогдашнему – да и теперь! – такая пора – милей всего. И пусть ничего плохого не случается, особенно весной!

Дошагали мы до Жасткова, где я простился со своими попутчиками, а до Осинки два километра почти бежал: не терпелось увидеть, как там родная речка? И снова было время пополудни, ровно двое суток я не был дома, а как заметно пригрело солнце, как прозрачно заколыхался лёгкий пар над полями и как звонко и самозабвенно запели жаворонки! А речка Осинка дала о себе знать ещё издали. Такой будоражищей, неостановимый шум стоял под мостом, что я сразу понял, что не пропустил-таки начало настоящего половодья, когда с дрожью в мальчишеской груди жаждешь, чтобы оно и ещё нарастало!

В самой деревне разогревшееся солнце прижимало снег ещё сильнее (по-осинковскому выражению, «щас всё шухнет!»), всё кругом журчало и пенилось от ручьёв и ручейков. А на самой середине улицы, где Осинка делилась издавна на два «конца», – тут была и своя природная граница по неглубокому ровку между дворами Гаврилёновых (наш «конец») и Ефима Старовойтова-конюха, тут же были и большие ковраты – я остановился в каком-то сладком ужасе: мой путь к родному дому был перерезан бурлящим потоком! Старинные дубовые ковраты (как я уже писал, раньше деревня была огорожена с поля, а для прохода и проезда были сделаны большие ворота, так называемые ковраты) были распахнуты настезь, и из них – вот они, всепобедительные врата Весны! – мчится стре-

мительный, сильный, бурлящий поток и дальше с нарастающим рёвом устремляется в Шарабуркину улочку, к речке Осинке.

С этого «конца» уже собралось немало детей, возвращающихся с игр на протаявшей Венькиной горке, и с нашего «конца» толпились и дети, и девки-телятницы, и почтарька Катя, все громко кричали друг другу, размахивали руками... Кто-то попытался продвинуться за ковраты, в поле, но там тоже не перейти.

На шум и гам подоспели взрослые с обеих концов деревни. Так как поток неостановимой талой воды с каждой минутой набирал силу, надо было быстро что-то делать. Вот двое толковых мужиков подтащили три бревна, сняв их со свежих срубов, перекинули через ровок, добавили несколько длинных жердин, закрепили наведённую переправу по краям вбитыми в землю кольями – и можно переходить по очереди и в тот, и в другой «конец».

Первой пропустили горбатенькую и безобидную почтарьку Катю, так как она спокойно и непрерывно кричала, что очень боится, что водой вот-вот снесёт мост у Суток – и она не вернётся в свой Жастков, на почву. Проскакивая мимо меня, на ходу – скороговоркой:

– Я там тебе хорошее принесла. Дома скажут.

А дома все мои родные сидели за столом, а отец вслух читал газету «Восход». Я увидел разом повернувшиеся ко мне радостно-взволнованные лица и услышал:

– Твой рассказ...

Это был маленький рассказ «Дороги», опубликованный вчера, в субботу, 1 апреля 1967 года, о мало кому известном подвиге наших кавалеристов у моей родной деревни в августе сорок первого (здесь на минуточку забежим намного вперёд – через четырнадцать лет будет поставлен памятник, а в 2001-м, в 60-ю годовщину того боя, по моей инициативе пройдёт День памяти, на ко-

торый соберутся сотни людей из России и Белоруссии – и об этом напишет в «Комсомольской правде» мой старший друг Василий Михайлович Песков).

Мне показалось, что дома радуются даже больше, чем от самого первого опубликованного рассказа: видно было, что родители поверили, что если уже и второй раз подряд напечатали, то это не случайно, значит, будет из меня толк на этой стезе. А когда я сообщил, что на медицинскую комиссию мы опоздали, отец как-то облегчённо кивнул головой, положил газету на стол и сказал, задумчиво глядя на меня:

– А что, кажется, и вправду выйдет из тебя писатель...

На следующий день на семейном совете обсудили, что я пойду осенью в среднюю школу, но не во Вьюково, что в семи километрах от нас, а в сам Сураж, что в сорока семи километрах, но зато там лучшая в районе средняя школа №1, где я получу основательные знания, что поможет потом поступить в университет. Буду стоять в Сураже на квартире у нашей родственницы. На том и порешили.

И через две недели я уже не поехал ни на какую медкомиссию.

Но жизнь моя стала другой. Я осознал, что если удалось отвертеться от радиотехникума и суворовского училища, то всё равно скоро мне уезжать... Никогда-ни-

когда мне уже не жить в Осинке постоянно, изо дня в день! Никогда! Учась в Сураже, буду в родном доме теперь только по выходным, и когда закончу среднюю школу и поступлю в университет, то и вообще не более двух раз в году – на студенческих каникулах.

И вот выхожу вечерком, накануне своего пятнадцатилетия (завтра 4 апреля) за родной порог на улицу – весеннюю, хрустящую тонюсеньким ледком от начинающегося ночного заморозка, вдыхаю свежий, особо животворный для меня апрельский воздух, улыбаюсь первой яркой звёздочке на юго-востоке – там, где уже звучно пиликнула у клуба гармошка... А внутри так и замрёт: ведь это последняя у меня такая весна!

Как во сне видится мне сейчас эта милая, тихая, мягко извилистая, с кувшинками в заводях, луговая речка... И как же мало я успел насладиться её чудесными видами!

Когда я бываю теперь в Сутоках, где Чёрная речка впадает в Осинку, где соединяются-сотекаются эти две родные мне речки, то всегда с горечью и болью думаю: да, в жизни нашей сегодняшней не удаётся вволю пожить не только с самыми близкими людьми – дедами, бабушками, а потом и с родителями, – но и с бесконечно дорогими для сердца и души, до слёз любимыми пейзажами.

ГДЕ ЧЁРНАЯ РЕЧКА ВПАДАЕТ В ОСИНКУ

(глава из новой книги)

Бывало, когда я приезжал уже студентом в Осинку, то обняв родных и часик поговорив и закусив, тут же бежал в любую погоду в лес, в поле, на луга, и, конечно же, в Сутоки, и проводил там отнюдь не один час, так что мама порой вечером спрашивала хоть и ласково, но всё же с ощутимой обидой:

– Сынок, а ты по кому больше скучаешь в городе: по нам или по природе?

– И по вам, и по природе, – улыбался я. – Конечно, по вам больше всего, но и любимые места очень хочется сразу же навещать...

Потом, через много лет, я создам журнал «Муравейник», в котором постараюсь

соединить людей и природу в единое целое.

А когда на закате своей жизни мои родители переехали в город, то мама не раз говорила моей сестре Светлане:

– Теперь я понимаю Колю... Почему он сразу бежал в Сутоки.

В Сутоках было два глубоких вира – один большой, другой – поменьше. Их так и называли – Большие Сутоки и Малые Сутоки. Малышня купалась в малом, а подростки и взрослые парни в большом виру-омуте. Тут же неплохо ловилась рыба на удочки. Вообще-то, в наших небольших речках рыбу ловили по-старинному: бреднем, сеткой, корзиной. Но тут можно было и удочкой – глубина и ширина позволяли, было куда закинуть. Помню, как ещё в раннем детстве привёл сюда папа нас с братом Сашей, как он размотал две удочки, как насадил на острые маленькие крючки по червяку, как мы с нетерпением ждали, отбиваясь от настырных вечерних комаров, первой поклёвки...

Никогда не забыть – ведь впервые увидел эту волнующую картину! – как дрогнул чуть приметно пузастенький красный поплавок, как трижды, с секундными перерывами успел окунуться до половины в воду, пуская по тихой глади малюсенькие круги, – и тут отец наш ловко подсёк, взмахнув самодельным ореховым удилищем, и мы прямо задрожали с Сашей от восторга, зачарованно следя, как взвился на леске блестящий полосатый окунь. Уже над нашими головами он сорвался с крючка, звучно шлёпнулся о бережок, трепыхаясь и подпрыгивая... Мы тут же отправили его в заранее приготовленный бидончик с водой. Около десятка рыбок – окуньков, плотвичек, краснопёрок – принесли в тот вечер домой. Сколько было радости!

Мы успели ещё только раз сходить туда с удочками. С нашим старшим двоюродным братом Серёжкой, который пришёл к нам

из Комаровки в гости. Сначала мы половили рыбы, которая не очень клевала, так как день был жаркий, а потом стали купаться. Выросший на полноводной Витаве, он, помню, удивил нас тем, как далеко и смело нырнул в Большом Суточном виру. Мы только видели, как раза два пошли бульканьки, это он сильно болтнул там под водой ногами – и вынырнул метров за шесть от того места, где ушёл под воду, чем сильно поразил и восхитил нас. Мы-то сами с Сашей могли нырнуть не дальше метра. Так и стоит тот, прежний, Серёжка перед глазами: вынырнувший, мускулистый, крепкий, как литой из бронзы пятнадцатилетний паренёк.

Это было у нас время всяческого восхищения своим старшим двоюродным братом. У него был турник, на котором он много раз подтягивался, по-всякому перевёртывался, крутил «солнышко». К тому же на этот раз он не пришёл, как обычно, а приехал на чёрном, большом велосипеде. Он на заработанные летом в колхозе деньги у кого-то купил его, уже старый, повидавший виды, и всё с ним возил, приводил в порядок. Велосипед был тяжёлый, и когда я попросил Серёжку дать мне покататься «из-под рамы», он с сомнением посмотрел на меня: не удержишь, мол, не справлюсь, упаду. Но я всё равно просил и просил, уже жалобно – и Серёжка разрешил. «Как это, ездить из-под рамы?» – удивится кто-то. А так: по своему малому росту ты не мог достать ногами педалей не только с сиденья, но и с продольной рамы, так что приходилось, цепко держа руками руль, с левой стороны велосипеда подлезть правой ногой и, полусогнувшись, искривившись вбок, крутить педали. Велосипед надо было всё время держать не только ровно, но и слегка влево, так как при возможном падении можно было подстраховаться левой ногой, а правой – не получится, она под рамой и, если велосипед потянет вправо, то брякнешься весьма чувствительно – и о землю, и, главное, об увесистую железную раму.

Попадало и по голове, и по плечу, и рёбрам доставалось...

Так что Серёжка был прав: проехал я с трудом совсем немного и, чувствуя, что вот-вот упаду, сам остановился. Что поделаешь? Мой двоюродный брат старше меня на целых шесть лет! И ему уже доверяли ружьё-одностолку, он прошлой весной сам построил шалаш-скрадок, на току добыл первого тетерева. И у них дома был настоящий большой бредень, в который можно было наловить много рыбы... – не то, что мы тут на удочку! «Вот подрастёте, – сказал он нам, – затянем вместе... Наш бредень – лучший в Комаровке, четыре метра в ширину».

Но не довелось нам вместе ни бредень затянуть, ни удочками ещё раз половить... Прямо в то же лето и в наш отдалённый край добрались ретивые мелиораторы-осушители. И начали именно с Чёрной речки. Я в детстве удивлялся, почему её так назвали, ведь вода в ней светлая, очень чистая? Сейчас думаю, наверное, из-за чернолесья (ольха, осина, ракита), по которому она вольно текла, местами в густых зарослях черёмухи и калины потаённо струила свои свежие, прохладные воды...

И вот эти родниковые воды, как только на берег грубо налез своими широкими гусеницами рычащий и гремящий экскаватор с ковшом, эти первозданные воды на всё оставшееся лето и осень стали густо мутными, почти чёрными. Милую, тихую речку безжалостно и варварски спрямляли, уничтожая её девственную, трогательную красоту. Не такие уж тут были болотистые, топкие луга, чтобы проводить жёсткую мелиорацию, уродуя до неузнаваемости хранимый целыми поколениями неповторимый пейзаж.

И вода покатила, как по гладкому желобу, по прямой линии, справа и слева оставляя в стороне теперь быстро высыхающие заводи. В них оказывалось немало рыбы. Мы, осинковская ребятня, всё свобод-

ное время крутились у экскаватора и не раз видели, как один из экскаваторщиков, если позволял рельеф, ловко прорубал ковшом проточину – и по ней устремлялась вода в новое ложе реки. Устремлялась с рыбой, так что у экскаваторщика всегда наготове был самодельный сачок. Часть рыбы, в том числе большие щуки, оставались в старом русле, в заводях, и тогда их брали прямо руками попозже, когда вода почти сойдёт. Кое-какая мелочь перепадала и нам. Правда, добыча эта как-то не особо радовала – мы хоть и маленькие ещё, а понимали – губится река, превращается в проточную канаву.

Были загублены и прекрасные Сутоки, оба вира-омута. Самое обидное, что Большие и Малые Сутоки можно было спасти, просто остановив перед ними экскаватор. Никто не задумался: ведь слияние двух речек, живой и неповторимый памятник природы – не трогайте, остановитесь! Но упрямо, бездумно (всё «по плану»!) продлили мелиорацию уже по речке Осинке всего-то на каких-то двести метров, до деревянного моста на дороге Осинка-Жастков.

И только уцелел сразу за мостом, с той его стороны, один глубокий вир. Мы потом в него перебрались купаться – после загубленных Суток. Стали приходиться и с удочками. Правда, ловить тут было не очень удобно: то с проезжающей через мост грузовой машины крикнут что-нибудь весело-насмешливое: мол, не надо ли наловленную рыбу довести, то с телеги станут допытываться: чьи это вы такие, кто это вас, маленьких, отпустил одних сюда? А вскоре мы с братом Сашей и совсем редко стали ходить к тому месту. Мы стали «сердиться» на этот вир, даже побаиваться его. И вот почему.

Папа уже давно ездил в школу в Жастков на велосипеде, а мама ходила туда три километра пешком. Решено было и ей купить. Ах, какой это был красивый дамский велосипед! Благодарного тёмно-красного

цвета, заднее колесо было закрыто цветной ажурной сеткой – чтобы развевающееся на скорости платье не попадало в спицы. Но главное, на что я сразу обратил внимание: в велосипеде не было поперечной рамы! А это значило, что в свои восемь лет я смогу на нём ездить. Это ничего, что не достаю до его изящного, мягкого сиденья, можно и стоя крутить педали без передышки!

Но это пока были только мечтания, пока мне позволялось лишь потрогать да погладить такую диковинку для нашей глухой деревни.

Сначала папа учил маму кататься в нашей улочке, потом на бугре за кузницей. У мамы плохо получалось – всё, бедная, ойкала да вскрикивала, всё тащил её в сторону велосипед.

Но всё ж настал майский день, когда папа с мамой чинно отъехали от нашего двора на велосипедах И дед, и бабушка, и я, и брат Саша, и крохотные сестрички Тоня и Света – все мы их провожали. Помню, как дрогнуло моё сердце от любви к маме, от восхищения ею – стройная, в светло-сером жакете и такого же цвета юбке, чуть смущённо улыбающаяся, как же красиво (сейчас бы я сказал – элегантно!) она выглядела на ярком, красном велосипеде, плавно катящемся по деревенской улице! А как чудесно звонил, распугивая кур и гусей, маленький звоночек! У папы тоже был на руле звонок, побольше, но звук его был глуховатый, раздражённо-грубый, а у маминого велосипеда – только тронь язычок блестящего никелированного звоночка – весёлый, радостный: «дзинь-дзинь-дзинь!» Я полдеревни пробежал тогда за мамой, любуясь и ею, и её велосипедом...

Недели две ездили родители вместе на велосипедах, вот уже и учебный год заканчивался. В предвкушении первых летних каникул особенно бодро прибегал я домой со школы, бросал портфель на деревянный диван, и – на улицу! С ребятами как-то за-

игрался у нашего крыльца, помнится, очень захотелось есть, и я всё посматривал через улицу, в сторону нашего сада, ожидая, когда оттуда придёт бабушка Марья, допалывающая там грядку. И вот я её, наконец, увидел, но не одну... А с мамой! И вела мама в руках велосипед, и платье на ней было всё мокрое, и лицо донельзя расстроенное... Что же случилось?

А было так. У мамы закончились уроки, а папе, как директору Жастковской восьмилетней школы, на этот раз надо было ещё остаться на работе. И она поехала домой одна. Сначала дорога была песчаная, нужно было налегать на педали, а когда миновала Жастковское глинище, дорога ощутимо пошла под уклон, и мама больше привычного разогналась... Хотя и плавный поворот к мосту через речку Осинку, но для неопытного ездока не так-то легко справиться с ним при увеличившейся скорости. «Видно, я чересчур повернула руль вправо, и меня повело прямо с моста в реку... – рассказывала мне потом через много лет мама. – Я растерялась, совсем забыла, где и тормоз, где и что... И с моста без остановки – прямо в вир глубокий! Вода холодная ожгла, ноги дна не достают, с головой окунулась Течением меня на более мелкое место подтолкнуло, кое-как на берег выбралась. Тут слышу, с моста мне кто-то кричит. А это Иван Андреёнок с нашей Осинки. Помог мне из речки велосипед достать, за переднее колесо его вытащил... Ну, а потом, чтоб перед людьми по всей деревне не срамиться, повела в руках велосипед по загородью. Тут и маму, бабушку твою, у нашего сада встретила...».

Садиться больше на велосипед мама наотрез отказалась.

И «провинившийся» поступил в полное моё распоряжение. Правда, взрослые следили, чтобы я использовал велосипед прежде всего в интересах семьи. Своего магазина в Осинке тогда ещё не было – и я охотно ездил за разным необходимым

(прежде всего за хлебом, селёдкой, консервами) то в Жастков, то в белорусскую Горню. В Белоруссии снабжение было намного лучше, там чаще, например, продавали мороженую морскую рыбу (хотя в соседней республике никакого моря не было), да и даже тот же хлеб доставлялся регулярнее, чем в нашей РСФСР. Тем более, что это было при Хрущёве, когда дело дошло и до кукурузного хлеба. Однажды столько набежало народу в Горню (выдавали в одни руки только по две кукурузных буханки, да и те надо было добыть с боем), и в страшной давке меня, девятилетнего, так прижали к прилавку, – причём, моя худенькая шея как раз попала на перекидную доску-проход в этом деревянном прилавке, и я стал задыхаться, стесняясь при этом закричать, и хорошо, что за меня это сделала продавщица:

– Дитёнка не задавите! Ён жа посинев! Не люди, што ль, вы?...

Спасибо ей, тут же выдала мне хлеб, и я чуть живой выбрался наружу.

Люди тут, конечно, не при чём. Не они такую обстановку создали. На улице какая-то сердобольная женщина помогла мне уложить в авоську эти две жёлтых, увесистых кукурузных буханки, и я привычно повесил груз наискосок на руль (в дамском велосипеде багажника не полагалось) и, отъезжая, услышал от пожилого усатого дядьки одобрительно-удивлённое:

– Який яще малый, а як ловко етой лисапедой управляеть!

Вскоре я стал иногда ездить на велосипеде и в школу. Говорю «иногда» – потому, что очень трудно было отбиваться на переменных от постоянных просьб: «Дай покататься, дай попробовать!» А что уж говорить о родной Осинке? На этом красном, боевом велосипеде выучилась, считай, вся детвора нашей деревни. Доставалось ему немало, но был очень вытяжной и крепкий – никогда в нём ничего не ломалось. И «боевым» я его

называл не зря, так как любил одолевать на нём всякие крутые горушки-пригорки, спуски и подъёмы, пологие овражки и даже ручей Выдёрку с разгону, непременно мечтавая при этом о своих будущих героических подвигах (тогда я хотел стать то летчиком, то моряком).

А потом приловчился и саму речку Осинку «форсировать». Было одно местечко за кузней, по дороге в Горню – мелководный, по щиколотку детской ноги, песчаный плёсик, через который ездили на телегах, а рядом были уложены прочные деревянные кладки для пешеходов и тех, кто имел велосипед. Но что мне эти кладки! Разгонишь посильней, но выверенно, чтоб и не кувыркнуться бесшабашно, и в то же время не застрять посередине – и выеду-таки на тот бережок. И вот однажды...

Уж не знаю, что там делал окунь – скорее всего, разную мелкую рыбёшку сторожил у прибрежной травки, – но, испуганный моим вторжением, вырвался прямо передо мной, весь радужно искрясь и трепеща из-за всех сил по мелководью, спеша уйти в место поглубже, но я уже успел повернуть ему наперерез. В голове ещё мелькнуло: «А не проколет он, такой крупный, мне колесо? Вон вся спина его с колючими иголками наружу из воды торчит!» Но нет, велосипед, как всегда, не подвёл, колесо не прокололось. А у нас в доме долго потом вспоминали: надо же, как вышло – ехал в Горню за мороженым морским окунем, а по дороге добыл своего, речного, осинковского окуня! Не уверен, что ехал я тогда в магазин именно за морским окунем, а не, например, за селёдкой, но таким сложилось семейное предание – и противоречить ему сегодня я уж не стану.

В любую свободную минуту вскакивал я на велосипед и мчался и по деревне, и вокруг неё, по уже любимым окрестностям. Особенно нравилось ездить под вечер по твёрдым, натоптаным стёжкам-дорожкам

среди полей. Тогда много было их, в основном, небольших, в пять-семь гектаров, поэтичных полей среди стройных сосновых боров, светоносных березняков и лепечущих осинников! Вот цветёт бело-розовым цветом гречиха, начинает поспевать рожь, ячмень, овёс... Так хорошо было приостановиться в вечерующим хлебном поле, где-нибудь у Поперечной дороги, и залюбоваться на небесные краски медленно вянущего заката чуть правее Осинки, в широком прогале между потемневшими, засыпающими на ночь лесами.

И не знал я тогда, что через сорок лет придёт такое время, когда буду мчаться не на велосипеде, а на автомобиле из самой Москвы, ровно шестьсот сорок километров – мчаться, в том числе и потому, чтобы успеть сфотографировать свои любимые поля в Мохнатах, на Котовой, на Липниках, на Пожнях, на Комаровском, на Кругленькой, в Карпекине, в Березуге, в Дуброве, у Собняка, у Ровка, у Горелова болота... Успеть их сфотографировать на память, так как они давно не пашутся, и вот-вот зарастут сначала кустарником-хмызником, а потом и самим лесом. Что и произошло вскоре.

Много в жизни человеческой тяжких потерь – уходят в свой срок и без срока самые родные и близкие, но издавна ведь оставались (повторюсь!) почти неизменными наши пейзажи. На них смотрели твои деды-прадеды, отцы и матери, сам ты с детства любовался ими – и вот ничего этого у тебя уже нет, только в памяти осталось

что-то, и только на словах да любительских фотографиях можешь передать совсем не-многое своим детям и внукам.

Уж на что казался вечным и былинным неповторимый вид на всю округу с большого пологого холма, где стояла ветреная мельница, мимо которой, заморожено глядя на её вращающиеся крылья, ходили мы в школу, а заросло всё не просто травой забвения, а густым, сочным сосняком. Ещё сыну Алёше и дочери Маше я успел показать, как можно гнаться вниз по холму за «убегающим солнцем» – это когда солнечный круг на небе освобождается от набежавшей тучки... – а вот внукам моим Николушке и Егорушке (Георгию) мне уже почти нечего тут показать своего.

...Недавно мне приснился ясный, отчётливый сон: приехал я весной на родину, а там будто бы пашет и пашет на моих любимых полях (да они же давно заросли! – удивляюсь я во сне) какой-то загадочный одинокий трактор. Пашет безостановочно и упорно, и белым днём, и тёмной ночью. Ах, сколько же лет я не видел таких настойчивых, ищущих борозду тракторных фар в ночном поле!

А на раннем рассвете он шёл особенно ходко и торжественно, весь какой-то праздничный, красно-кирпичный от занявшейся бодрой зари – и над ним, над вспаханной свежей полосой, легко и ровно поднимался к небу, радостно трепетал, заливался счастливой песнью первый проснувшийся жаворонок...

*Редакционный совет сердечно поздравляет
Николая Николаевича Старченко
с юбилейным Днём рождения!*